

Одна была белая, другая — черная. День и ночь. Радость и страдание... Впрочем, где кончается радость и начинается страдание? Ах, любовь на заре жизни, твоя радость полна страданий и твои страдания полны радости! Грустная радость и сладкие страдания...

I

Однажды весенним утром я сидел в укромном уголке городского сада и готовился на аттестат зрелости. Весна была в полном разгаре: цвела черемуха, и распускалась сирень; листья на деревьях еще не успели пропитаться пылью и казались только что выкрашенными и покрытыми лаком; по изумрудным лужайкам над желтыми цветами трепыхались первые бабочки, а в чаще кустов воробьи озабоченно переговаривались о грядущих хлопотах по устройству своих семейных очагов. Ликующее солнце не успело еще выпить росу на траве и листьях, и долговязые тени еще перерезали дорожки сада и давали свежую, ароматную прохладу...

Здесь, в глухом углу сада, было тихо и безлюдно; шум просыпающегося города долетал сюда

смягченным и не мешал думать и прислушиваться к ласковому шелесту листочков и к пугливым тайнам своей души, где звенела радость жизни и первых предчувствий юной любви. Мелодичный благовест далекой церкви и кудахтанье снесшейся где-то курицы, ласковый шепот листвы и солнечные пятна по дорожкам уносили душу в царство неясных и ленивых мечтаний и сливались в один общий радостный гимн жизни, который пела ей вся обновленная природа...

Какая это радость — чувствовать жизнь и не знать, не думать, зачем живешь на свете! Зачем растут черемуха и сирень, зачем они цветут и кружат голову своим сладким ароматом? Зачем восторженно кричит снесшаяся курица, оповещая весь мир о радостном событии? Зачем трепещет крылышками бабочка над молодой шелковой травкой?.. Почему так радостно замирает сердце, когда я слышу чьи-то приближающиеся шаги на дорожке?.. Не знаю и не хочу знать. Душу ласкает тихая, нежная радость какого-то неясного ожидания, и только один вопрос омрачает эту радость: зачем устроен аттестат зрелости?..

Через три дня — экзамены по истории и географии. Непролазная лень в теле и скорбь в мозгах.

Так прекрасна в весеннем наряде земля и так невыразимо скучна география!..

— Амстердам, Гарлем, Саардам, Гага, Лейден, Роттердам... — шепчут губы, и в сонливой фантазии рождаются и громоздко шевелятся с этими названиями не то какие-то допотопные чудовища, не то какие-то зловещие враждебные слова. Никогда не был в этих городах; может быть, это — красивые города, ласкающие взор своим видом, а теперь я ненавижу их, и они представляются мне чудовищами. Широко раскрывается рот для позевоты; ленивая истома заставляет расслабленно так потягиваться и, закрыв глаза, прислушиваться к восторженному кудахтанью курицы...

— Амстердам... дам, дам, дам... Чьи это шаги заставили вздрогнуть мое сердце и тревожно раскрыть глаза? Да, ты, сердце, не обмануло: опять — та же гимназистка, опять с книгой... Тоже готовится к экзаменам...

— Амстердам, Гарлем, Саардам...

Высокая, стройная... Две тяжелых косы... Гордая походка. Похожа на Маргариту. Поскрипывает башмачок, на песке остается отпечаток ножки. Лениво везет за собою зонтик, протягивая тонкую нить по дорожке. Даже не взглянула, словно меня и не было на лавочке. Откуда взялась? Вчера увидал в первый раз. Гордая. А косы-то!..

— Да... Амстердам, Гарлем, Саардам, Гага, Лейден, Роттердам!..

Чувствовало сердце, что увижу... Красивая! Словно ветка распутившейся сирени. Прошла, а все еще остается на душе какая-то паутина блеснувшей красоты и радости... Тянет смотреть вслед... Оглянется или нет?.. Оглянулась! Посижу: может быть, сделает круг и пройдет еще раз...

— Амстердам, Гарлем, Саардам, Гага, Гага, Гага... Ох, Господи!

И опять — в светлом платье. Золотистые волосы... Желтые туфли... Соломенная шляпа... Как пастушка!.. Вся она какая-то белая. А глаза — как небо. Глаза — васильки...

Закрываю глаза, и предо мною рисуется поле, рожь, васильки... Ласковый ветерок обвеивает щеки, осторожно гладит под шляпой волосы, нашептывает о чем-то отрадном, кротком и близком... О чем? Об этой девушке... Какая она красивая, тихая, как это весеннее утро, кроткая и лучезарная! Ах, если бы услышать ее голос! Не идет. Неужели ушла?..

— Амстердам, Гарлем, Саардам...

Встал и пошел деловым шагом в сторону, куда ушла девушка... Дорожка круто сворачивала влево, и когда я, покорный ее воле, свернул за густые кусты сирени — в глазах мелькнуло яркое белое

пятно: на низенькой лавочке с раскрытой, позабытой книгой на коленях сидела девушка, та самая, которая...

Задумалась. Откинула голову и смотрит в синее небо. О чем она думает? Разве узнаешь! Никогда. Вздрогнула и уставилась в книгу. Розовые губки шепчут что-то... Не обращает внимания. А зонтик валяется под ногами...

— Вы уронили зонтик...

— Ах, благодарю вас...

Покраснела. Забеспокоилась.

— Я помешал вам? Готовитесь к экзамену?

— Да.

— Я тоже. Скорее бы кончить. Надоели Амстердамы... А вы...

— Я тоже кончаю...

Спрятала глаза в книгу. Не хочет говорить. Поклонился и пошел дальше, а в ушах все еще звучал новый голос, которого никогда не слышал еще в жизни... Немного холодный голос, но какой приятный! Гордая... Длинные ресницы. Едва вздрагивают губы — не хочет улыбнуться и морщит лоб... Надо было представиться. Дурак!.. Почему не сесть на эту лавочку? Подумает, что нарочно сел так близко... Разве я виноват, что в саду так мало лавочек. Здесь — тень; а там скоро пропадет она... Сижу, исподволь бросаю взор на девушку в белом. Чувствует: поправила косу, перекинула ее за спину, подобрала ноги и еще больше нагнулась над книгой; чертит на песке зонтиком. А волосы на виске вздрагивают от ветерка и золотятся под опущенным полем шляпки. Золотая паутина...

Амстердам, Гарлем, Саардам... Милая! Слово цветочек с родных полей, куда я уеду сейчас же после зрелости. Ромашки, Васильки, Лютики... Я сплел бы тебе веночек из цветов родных полей и надел бы на твою золотистую головку. И ты перестала бы хмурить лоб и улыбнулась бы мне... А теперь не хочешь даже вскинуть глаза... Куда ты?!

Встала и пошла... Хочется тоже вскочить и пойти в ту сторону, куда пошла она... Кто она? Как ее имя? Где она живет?..

Я встал и смотрел ей вслед. Ушла, промелькнула в зелени деревьев и скрылась, а я подошел к лавочке, на которой она сидела. Что она тут чертила зонтиком?

— Зоя. Зоя. Зоя...

Ее зовут Зоей... Золотая Зоя! Какое нежное, бархатное имя! Я повторял это имя, и оно, как ветерок щеку, ласкало мою душу...

Продолжение следует.